

DOI: 10.15372/HSS20210412

УДК 94(57)“15/16”

¹Ю.С. ХУДЯКОВ, ²А.Ю. БОРИСЕНКО**БЕГСТВО ХАНА КУЧУМА И ЕГО СТОРОННИКОВ ИЗ СИБИРСКИХ ГОРОДКОВ:
К ВОПРОСУ О КОРРЕЛЯЦИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ**¹Институт археологии и этнографии СО РАН
РФ, 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17²Новосибирский государственный университет
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

В статье анализируются краткие исторические сведения и изобразительные материалы, свидетельствующие о бегстве сибирского хана Кучума в сопровождении своих сторонников из числа сибирских татарских воинов из столичного городка Кашлык. Многие сибирские татарские городки он в панике оставил без своей военной поддержки, опасаясь противостоять русским казакам, вооруженным огнестрельным оружием. Некоторые сведения об этих исторических событиях содержатся в тексте и иллюстрации «Краткой Сибирской (Кунгурской) летописи». Цель данной статьи – изучение текста и рисунков, посвященных одному историческому сюжету, нашедшему отражение в упомянутой летописи. Художественные материалы существенно дополняют сведения изученного письменного источника о поспешном бегстве сибирского хана Кучума и его сторонников в степи.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Кашлык, сибирские татары, Сибирское ханство, русские казаки.

¹Yu.S. KHUDYAKOV, ²A.Yu. BORISENKO**ESCAPE OF KUCHUM KHAN AND HIS SUPPORTERS OUT OF SIBERIAN TOWN:
ON THE QUESTION OF CORRELATION BETWEEN VISUAL AND ARCHEOLOGICAL SOURCES**¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation²Novosibirsk State University,
Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article considers and analyzes some brief historical evidence and visual materials testifying to Kuchum Khan's run out of Siberian metropolitan town of Qashliq, accompanied by his entourage and supporters from among Siberian Tatar warriors. He hastily headed southward to the steppe southern regions of West Siberia and northern regions of current Kazakhstan to those remote areas, where at that time there were settlement sites of Kazakh steppe nomads within the Kazakh nomadic association. Accompanied by his supporters, Kuchum Khan went to his former residence, where he used to live before seizing power in the Siberian Khanate. He left many Siberian Tatar towns in the Siberian Khanate territory without his military support, hastily escaped and refused to defend them, fearful to confront the Russian Cossacks weaponed with fire-arms. Some brief information about these historical events is reflected in the text and illustrations of «Brief Siberian (Kungur) Chronicle». This article objective is to examine the data and visual materials dedicated to a historical plot presented in the text and illustrations of this historical source. The analyzed illustration of Siberian Tatar three towns located between streams on a hillside along the Irtysh River bank. There is a defensive trench along the walls of a Siberian Tatar town. At the upper part of the illustration, there are three troops of equestrian Siberian Tatar warriors, who are probably going to the steppe regions of West Siberia and northern Kazakhstan. The authors analyze features of the armament, headdresses and clothes, as well as the standards of Siberian Tatar warriors, which are at the illustration. They consider an image of a pedestrian Siberian Tatar warrior troop. The pictorial materials significantly supplement the studied written source data about the hasty escape of Siberian Kuchum Khan and his supporters to the steppes.

Key words: West Siberia, Qashliq, Siberian Tatars, Siberian Khanate, Russian Cossacks.

Юлий Сергеевич Худяков – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, профессор Новосибирского государственного университета, e-mail: khudjakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4741-9971>.

Алиса Юльевна Борисенко – канд. ист. наук, старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета, e-mail: aborisenko2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9558-5678>.

Yuliy S. Khudyakov – Doctor of History, Leading Resercher at Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Professor at Novosibirsk State University.

Alisa Yu. Borisenko – Candidate of Historical sciences, Senior Researcher of Laboratory for humanities at Novosibirsk State University, <https://orcid.org/0000-0002-4741-9971>.

ВВЕДЕНИЕ

Весьма информативным источником по истории присоединения западных районов Сибири к Московскому царству являются исторические свидетельства и изобразительные материалы, содержащиеся в текстовой и иллюстративной частях известной «Краткой Сибирской (Кунгурской) летописи» и на иллюстрациях в составе миниатюрных композиций ее лицевого свода [1, с. 422–423; 525].

В предшествующие годы в процессе переиздания капитального научного исследования Г.Ф. Миллера по истории присоединения и освоения сибирских земель к Российскому государству некоторые изображения из этого свода уже привлекались в качестве иллюстративных материалов по истории похода российского казачьего отряда под командованием атамана Ермака в Западную Сибирь [2, рис. 8, 11–13, 15]. В дальнейшем эти рисунки заново переиздавались, что сделало их более доступными для изучения современными исследователями [3, с. 76]. Особое значение для изучения данных изображений современными исследователями имеет издание всего полного свода изображений исторических событий, связанных с историей похода российского казачьего отряда под командованием атамана Ермака через Уральские горы в западные районы Сибири [1, с. 457–611].

ОПИСАНИЕ ФИГУР КОМПОЗИЦИИ

На одной из этих многофигурных композиций, содержащихся в иллюстрированной части летописного свода «Краткой Сибирской (Кунгурской) летописи», на которой изображено бегство сибирского хана Кучума и подчиненных ему сибирских татарских воинов с территории Сибирского ханства в южные степные районы, наглядно продемонстрированы некоторые характерные особенности и масштабы данного исторического события. На этой композиции также проиллюстрированы различные виды оружия, которые в это время имелись на вооружении у воинов Сибирского татарского ханства [1, рис. 68, с. 525].

В нижнем правом углу и средней части всей этой картины изображено русло полноводной реки, вероятнее всего Иртыша, в которое с верхней стороны впадают два небольших водных притока. По обоим берегам этой реки показаны произрастающие редкие лиственные деревья. В центральной части данной картины имеется сравнительно небольшое, затемненное, дугообразное в плане, углубление, возможно овраг, левой стороной соприкасающийся с руслом одной из небольших рек или ручьев, впадающих в широкую полноводную реку. На несколько возвышающемся берегу этой реки, на выступающих последовательно трех широких мысах, изображено три, срав-

нительно небольших, жилых поселка, окаймленных невысокими, вероятно оборонительными стенами и башнями с коническими крышами. У одного из этих поселков, расположенного на крайнем левом мысу, с внешней стороны от стены, обращенной к пойме широкой реки, показано две несомкнутые между собой узкие полосы. Вполне возможно, что таким образом изображены оборонительные рвы, окружающие с небольшими перерывами с внешней стороны, напротив входа в это небольшое укрепление. Со стороны оборонительных стен на всех трех крепостных сооружениях показано по две или три башни с пристроенными, коническими крышами. Внутри этих оборонительных сооружений показаны стены некоторых крупных зданий и крыши небольших домов [1, рис. 68, с. 525]. Возможно, что так изображены поселения сибирских татар по берегу Иртыша, оставленные воинами сибирского хана Кучума в ходе их бегства в южные степи.

Вдоль верхней части рассматриваемой общей картины, по просторам лесостепи, среди редких деревьев с развесистыми лиственными кронами, изображены три группы всадников, передвигающихся последовательно друг за другом, с левой стороны на правую сторону в пределах данного многофигурного изображения. На переднем плане одной из этих групп конных воинов, передвигающихся в авангарде всех трех отрядов, показан всадник с бородой в головном уборе, отчасти напоминающем чалму, с острыми выступами в верхней части, похожими на небольшие элементы от зубчатого головного убора, напоминающего корону. Этот коронованный всадник одет в длиннополую одежду (возможно, халат) с косо срезанной на груди верхней полкой. Нижняя пола халата доходит почти до живота лошади, на которой он едет верхом. Лошадь показана взнузданной и оседланной. На голове у нее обозначены узды и поводья, которые всадник натягивает правой рукой, согнутой в локтевом суставе. На туловище у лошади имеется нагрудный ремень, который почему-то ошибочно изображен натянутым поверх ноги всадника, чего в реальности не могло быть. Возможно, это некоторая досадная неточность, совершенная при копировании оригинального рисунка. На крупе у этой лошади частично изображен подфейный ремень от седла. Ее передние ноги приподняты и согнуты в коленных суставах, животное изображено стоящим на задних конечностях. Вполне вероятно, что этот конь изображен скачущим. Хвост у него показан дважды перетянутым, что несколько необычно.

Перед всадником в короне подчеркнуты некоторые детали, в том числе головы, шеи, передние ноги двух скачущих лошадей, а за ним находится круп с подфейным ремнем и развевающийся хвост еще одной лошади. За спиной всадника в короне виднеются

головы в колпаках с отворотами и фигуры еще нескольких, сопровождающих его конных воинов с многочисленными копьями, увенчанными небольшими наконечниками овальной формы с заостренными остриями. Над наконечниками копий, в центральной части отряда, развевается знамя этого отряда сибирских татар. Оно похоже на вымпел с двумя узкими флажками удлиненно-треугольной формы. Вероятнее всего, данного всадника в короне следует интерпретировать в качестве изображения сибирского хана Кучума, а окружающих его воинов – в качестве отборного отряда сибирских татар, охраняющего своего правителя во время его передвижения по степным землям в пределах Западной Сибири [1, рис. 68, с. 525].

В центре верхней части анализируемого многофигурного изображения показана еще одна большая группа всадников со знаменем, также вооруженных копьями. На переднем плане среди них изображен довольно крупный всадник в высоком колпаке с широким отворотом по его нижнему краю. Он одет в длиннополый халат, нижняя пола которого доходит до его ступней. Халат этого всадника подпоясан узким ремнем. На его правой руке надета длинная рукавица, которая почему-то вплотную не соединяется с остальной частью его руки. За спиной у него виднеется какой-то полуовальный предмет с нашитым сверху своеобразным «карманом». Возможно, это изображен щит, откинутый за спину. Всадник сидит в седле на скачущей лошади. У нее крупная голова, показаны широкая шея и коротко стриженная грива. На голове у лошади – узда. Передние ее ноги подняты и согнуты в коленных суставах. Задние ноги изображены в движении, волосы у хвоста показаны в виде витых прядей. На лошади закреплено седло, выделен подфейный ремень.

За спиной переднего всадника видны головы еще одной группы сибирских татарских воинов – в островерхих колпаках. Некоторые головные уборы имеют отвороты по нижним краям. Самый последний всадник в составе этой группы воинов изображен без бороды. Он поднял свою правую руку, в которой видна плеть с двумя развевающимися ремешками. На голове у него также изображен островерхий колпак с отогнутым узким отворотом вдоль нижнего края, а на груди имеется ремень, которым он подпоясан, причем ремень помещен несколько выше талии. Возглавляет эту группу всадник, который держит в руках знамя с широким, но свернутым в несколько слоев, полотнищем. За этой группой всадников возвышаются копья на длинных древках, увенчанные, как можно полагать, железными наконечниками удлиненно-овальной формы с заостренными остриями и пологими плечиками [1, рис. 68, с. 525].

В левом верхнем углу в рамках всей рассматриваемой композиции показана еще одна, сравнительно

небольшая, группа сибирских татарских всадников. Здесь на переднем плане изображен скачущий верхом на коне человек в овальном колпаке с широким отворотом по нижнему краю головного убора. Он воспроизведен без усов и бороды, в длиннополом халате с вертикальным разрезом спереди, с длинной полкой вплоть до самой ступни. Данный всадник показан без какого-либо оружия. Он сидит в седле, верхом на лошади, которая скачет вслед за двумя передними группами воинов. За спиной у переднего всадника видны еще два конных воина в островерхих колпаках, с отворотами по нижнему краю этого головного убора. Один из них показан на скачущей лошади с острыми, треугольных очертаний ушами на голове, передние ноги согнуты в коленных суставах. За спинами у скачущих воинов этой третьей группы имеется довольно много копий, увенчанных заостренными наконечниками удлиненно-овальной формы. У одного из этих копий, изображенного вертикально в первом ряду, за самой крайней лошадей, имеется древко, увенчанное удлиненно-ромбическим наконечником, а под ним показан небольшой флажок удлиненно-треугольной формы [1, рис. 68, с. 525].

Слева от этой многофигурной композиции, воспроизводящей ситуацию бегства сибирских татар с тех земель на территории Западной Сибири, где к этому времени появился отряд русских казаков под командованием Ермака, изображена группа пеших сибирских татарских воинов. Среди них показаны татарские воины в длиннополых халатах, а также воины в зипунах с подолом до колен, в штанах и сапогах. У некоторых из них надеты овальные колпаки с узкими или широкими отворотами по нижнему краю. У одного из воинов отворот колпака разделен на три части, создавая впечатление, что этот колпак обернут по нижнему краю чалмой. Воин одет в зипун с вертикальным осевым разрезом посередине. Еще один воин в таком же зипуне изображен немного левее, рядом с воином с колчаном. Стоящие в несколько рядов воины изображены вооруженными. Так, двое из них, в переднем ряду, держат в руках копья на длинных древках с приостренными, удлиненно-овальными (видимо, железными) наконечниками. У одного воина на древке копья, под наконечником, укреплен небольшой флажок удлиненно-треугольной формы, похожий на вымпел. За спинами и головами большей части стоящих воинов показаны древки многочисленных копий. Наконечники у этих копий никак не выделены. У одного из этих воинов, стоящего в первом ряду, на поясе показан орнаментированный, вероятно кожаный, колчан с торчащими из него многочисленными древками стрел. Один из воинов данной группы держит за деревянное древко длинный шест, увенчанный двумя, почти не соединенными между собой длинными, узкими, треугольными флажками.

Такой же двойной флаг изображен над головами первой группы сибирских татарских воинов, скачущих верхом на лошадях [1, рис. 68, с. 525].

КОРРЕЛЯЦИЯ ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Сведения письменных и изобразительных источников могут быть существенно дополнены полученными в результате археологических раскопок памятников культуры сибирских татар на территории Западной Сибири, в том числе в Барабинской лесостепи. В течение последних десятилетий удачный опыт анализа и обобщения этих археологических материалов был предпринят учеными из Новосибирского и Омского научных центров [4, с. 43–56, 63–68, 73–78; 5, с. 155–169; 6, с. 30–55; 7, с. 151–204]. По наличию или отсутствию накладок разных форм в составе луков из раскопок на памятниках Абрамово-10 и Кыштовка-2 были выделены несколько типов данного вида ручного метательного оружия [4, с. 43–44]. Среди них выделяется лук с деревянной основой – кибитью, дополненный деревянной же фронтальной накладкой и вклеенными деревянными концами. Данные накладки крепились к деревянной основе кибити с внутренней стороны, обращенной к стрелку. По мнению В.И. Соболева, луки цельнодеревянных конструкций использовались в ходе стрельбы по намеченным целям на протяжении всего Средневековья [5, с. 163]. Они преобладали, а луки с костяными накладками в зависимости от количества и местоположения накладок были отнесены современными исследователями к нескольким типам. Наиболее распространены среди них были луки с одной срединной фронтальной «веслообразной» накладкой [4, с. 44, рис. 39]. Такие луки получили особенно широкое распространение в эпоху развитого Средневековья в пределах степного пояса Евразии, и они широко использовались для ведения прицельной стрельбы монгольскими кочевниками в период завоеваний в XIII в. н.э. Однако у многих кочевых этносов они стали применяться еще до монгольских завоеваний. Со временем некоторые луки со срединной фронтальной веслообразной накладкой стали дополняться широкими плечевыми накладками и узкими плечевыми костяными накладками [5, с. 162]. Вполне вероятно, что появление и использование плечевых костяных накладок объяснялось стремлением использовать эти дополнительные детали для повышения упругости и дальности плеч сложносоставных луков.

Для стрельбы по цели в ходе боевых столкновений с различными противниками сибирские татарские лучники применяли стрелы с железными наконечниками разных форм. Чаще всего они использовали наконечники стрел с плоским в сечении пером. Наконечники такой конструкции отличались более

высокой скоростью стрелы в полете по сравнению со стрелами иной конструкции. Видимо, они были наиболее эффективны при стрельбе на довольно короткие дистанции. По форме пера выделялись крупные железные наконечники асимметрично-ромбической формы с тупоугольным острием, асимметрично-ромбическим пером, пологими плечиками и выделенным упором. Такие наконечники были обнаружены при раскопках памятника Абрамово-10 в Барабе [4, с. 50, рис. 41, 7, 9]. Достаточно широко представлены среди различных форм плоские стрелы удлинненно-ромбической формы с остроугольным острием, удлинненно-ромбическим пером, пологими плечиками и упором [4, с. 50, рис. 41, 4–5, 8]. Выделяются в самостоятельный тип также стрелы похожей конфигурации, но с узким вытянутым плоским пером [4, с. 50, рис. 41, 5, 10, 14–11; 42, 5, 7–9]. Имеются в составе набора железных плоских стрел и овально-крылатые железные наконечники с овальной формы острием, выступающими боковыми «крыльями», пологими плечиками и упором. Такие наконечники найдены в ходе раскопок на памятнике Кыштовка-2 [4, рис. 41, 12, 13].

Среди найденных здесь железных наконечников стрел представлены также секторные наконечники с закругленным пером, секторной формой пера, пологими плечиками и выделенным упором [4, рис. 42, 10, 11, 14, 17]. Есть среди железных наконечников стрел из памятников Абрамово-10 и Кыштовка-2 и плоские наконечники с тупым острием и пологими плечиками [4, рис. 42, 16; 43, 1]. Такие наконечники можно отнести к числу томаров. Значительно реже среди железных стрел сибирских татарских лучников встречаются узкие, вероятнее всего, бронебойные наконечники с прямоугольным, а также с шестигранным в сечении пером [4, рис. 43, 7, 8].

Помимо этих наконечников сибирские татарские лучники применяли для стрельбы наконечники с линзовидными и четырехгранными в сечении пером различных форм. Среди них найдены боеголовковые стрелы с выделенной боевой головкой и удлинненной шейкой с упором, удлинненно-треугольные с остроугольным острием и прямыми плечиками, удлинненно-ромбические с остроугольным острием и удлинненно-ромбическим пером, а также вытянуто-пятиугольные наконечники стрел с остроугольным острием, вытянутым пером и прямыми плечиками [6, с. 37]. Набор бронебойных стрел сибирских татарских лучников достаточно разнообразен. Преобладают наконечники стрел с остроугольным острием и узким пером, что свидетельствует об ориентации стрельбы по противнику, защищенному кольчужными доспехами. Общее количество форм и конкретных находок бронебойных стрел в памятниках сибирских татар относительно невелико. Видимо, это вполне со-

ответствует реальной боевой практике сибирских татарских воинов, предшествующей историческому походу казачьего отряда под командованием атамана Ермака в Западную Сибирь [6, с. 37].

Сибирские татарские воины хранили и носили стрелы и луки в кожаных колчанах, некоторые из них состояли из двух отделений. Внутри одной емкости помещался лук с натянутой тетивой, в другом отделении хранились стрелы. Колчаны такой конструкции были характерны для многих кочевых народов Центральной Азии в эпоху позднего Средневековья [6, с. 41]. На памятнике Абрамово-10 в процессе раскопок был найден хорошо сохранившийся кожаный колчан, использовавшийся сибирскими татарскими лучниками для хранения и ношения стрел [4, с. 63, рис. 48, 1].

Луки и стрелы были основным оружием сибирских татарских воинов, которое широко использовалось ими в условиях ведения дистанционного боя. В некоторых случаях сибирские татарские лучники снабжали наиболее крупные наконечники косяными шариками с отверстиями-свистунками. Помимо стрел с железными наконечниками сибирские татарские лучники иногда применяли для стрельбы по различным целям проникатели с косяными наконечниками [6, с. 39].

На некоторых иллюстрациях в Лицевом своде «Краткой Сибирской Кунгурской летописи» сибирские татарские воины изображены размахивающими над головами своими пращами, заряженными металлическими ядрами шарообразной формы [1, с. 472, 473, 474, 494, 495, 498]. Судя по этим изображениям, пращи использовались и в ходе боевых столкновений с военными отрядами российских казаков.

В Барабе на памятнике Абрамово-10 среди случайных находок в разное время были найдены железные наконечники копий с коническими втулками и удлинённо-ромбическими по форме пера наконечниками. Кроме них обнаружен железный наконечник пики с оригинальным, трехгранно-трехлопастным в сечении удлинённым пером [4, с. 73, рис. 56, 1–3]. Еще один железный наконечник копья имелся на городище сибирских татар – Искер. Кроме того, несколько наконечников копий, которые могли принадлежать сибирским татарским воинам, представлено среди случайных находок [5, с. 160]. Железные наконечники пик, найденные на городище Искер, имели узкое, вытянутое, четырехгранное в сечении перо, рассчитанное, вполне вероятно, на пробивание панцирной и кольчужной брони, и удлинённую конусовидную втулку для крепления на деревянное древко. Судя по этим находкам, воины Сибирского татарского ханства имели на вооружении не только копья, но и бронебойные пики, что позволяло им вести таранные атаки в условиях ближнего боя [6, с. 41].

Сибирские татарские воины обладали значительным арсеналом древкового колющего оружия, с помощью которого могли поражать своих противников в условиях ведения ближних и рукопашных боев в конном строю. На древках копий этих воинов иногда прикреплялись боевые знамена и флаги, которые нередко служили опознавательными знаками для подачи определенных сигналов в ходе боевых столкновений. На миниатюрах Лицевого свода «Краткой Сибирской Кунгурской летописи» у сибирских татарских воинов изображены знамена с квадратным полотнищем и двумя удлинённо-треугольными косицами или знамя с удлинённо-треугольным полотнищем, или небольшие треугольные вымпелы [1, с. 474, 479, 492, 495].

На памятнике Кыштовка-2 был найден кистень – железная боевая гиря, вполне вероятно, крепившаяся с помощью кожаной петли к ремню, с помощью которого можно было наносить удары противнику при сближении верхом на своих боевых лошадях [4, рис. 57, 1]. Вполне вероятно, что подобные боевые гири использовались для нанесения ударов по противникам в условиях ведения ближних военных столкновений.

В специальной научной литературе имеются некоторые сведения о находке сломанной железной сабли эпохи развитого Средневековья на памятнике Садовка-2 в Барабе [4, с. 77–78]. На городище Искер также найдено несколько железных палашей и сабель, вероятно, ранее принадлежавших сибирским татарским воинам. Здесь палаши имели длинные прямые однолезвийные клинки. У одного из них сохранилось напускное фигурное перекрестье с овальной обоймой, с двумя изогнутыми в разные стороны окончаниями и граненой рукоятью. Клинок данного палаша дважды обломан. Однако обломанные части сохранились. У другого палаша сохранился длинный прямой железный клинок и узкий черен для крепления рукояти. Сабля имеет длинный, плавно изогнутый однолезвийный клинок с остроугольным острием и выделенной елманью. Перекрестье и навершие у этой сабли не сохранились [6, с. 43]. Сабли со слабоизогнутыми клинками нередко в летописном своде «Краткой Сибирской Кунгурской летописи» изображались в руках сибирских татарских воинов или подвешенными к поясу будучи в ножнах [1, с. 492, 494].

На некоторых рисунках в «Краткой Сибирской Кунгурской летописи» у сибирских татарских воинов также изображено (на поясе или в руках) длинное клинковое оружие с прямыми, вероятно, однолезвийными клинками [1, с. 495, 521]. Возможно, такие длинные прямые клинки изображены не случайно, можно предполагать, что на вооружении у сибирских татарских воинов были и палаши с прямыми, однолезвийными клинками.

В оружейный комплекс сибирских татарских воинов входили также боевые топоры, которые имели плоский обух с выступающей бородкой, клиновидный проух и расширенный к лезвию клин. Такие топоры были характерны для русского населения в период освоения сибирских земель, и применялись они в качестве деревообрабатывающих инструментов. Однако топоры охотно приобретались представителями коренных народов Сибири, использовались ими для военных целей [6, с. 43].

На Искере также обнаружены железные кинжалы с прямыми двулезвийными клинками, которые должны были служить для нанесения ударов по противнику в рукопашном бое и для других боевых целей. Помимо них здесь найдены однолезвийные боевые ножи с прямыми черешками. Вполне вероятно, они могли применяться для поражения противника в рукопашных схватках или для повседневных нужд [6, с. 43].

На памятнике Малый Чуланкуль-1 найдены фрагменты железных панцирных пластин удлиненно-прямоугольной формы [4, с. 77]. Такая пластина могла входить в состав набора от ламеллярного панцирного доспеха. На этом же памятнике обнаружен частично сохранившийся фрагмент кольчужного доспеха [4, с. 77]. Еще один фрагмент кольчуги найден на Искере [6, с. 44]. Данные археологические находки свидетельствуют о том, что на вооружении и у сибирских татарских воинов были различные виды средств металлической защиты, в том числе ламеллярные панцирные доспехи и кольчуги. В то же время, видимо, подобных средств индивидуальной металлической защиты у сибирских татарских воинов было немного, поскольку сведения о металлических доспехах отсутствуют в российских письменных исторических и изобразительных источниках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенный обзор различных видов наступательного и защитного вооружения из археологических памятников культуры сибирских татар свидетельствует о том, что сибирские татарские воины обладали определенным набором ручного метательного оружия дистанционного боя, имели в своем распоряжении некоторые виды древкового колющего и длинного клинкового оружия ближнего и рукопашного боя, а также другие виды наступательного оружия. Воины обладали определенными средствами индивидуальной металлической защиты. Однако несмотря на определенные попытки приобрести и использовать для военных целей артиллерийские орудия, в деле обладания и использования огнестрельного оружия и артиллерии они безнадежно отставали от русских казаков. Известно, что в течение последующего исторического периода противоборства некото-

рые ружья, принадлежавшие российским казакам, иногда попадали в руки к сибирским татарским воинам, но нет никаких сведений о том, чтобы они принимали какие-либо попытки стрелять из таких пищалей.

Известно, что еще только получив первое устное известие о появлении в своих владениях отряда русских казаков, прибывших в Сибирь по инициативе богатых российских купцов Строгановых под командованием казачьего атамана Ермака, сибирский татарский хан Кучум не поверил мирным заверениям этого предводителя. Кучум объявил своего рода мобилизацию всех подвластных ему воинских сил из среды сибирских татар и вассальных угорских таежных племен [2, с. 217–227]. Еще несколько последующих лет Кучум и его ближайшие сторонники неоднократно пытались противостоять с оружием в руках русским казакам. Однако в течение этого времени некоторая часть сибирской татарской знати и правящей элиты вассальных угорских племен, недовольных правлением Кучума, предпочла перейти на сторону победителей. Кучум неоднократно предпринимал не вполне успешные попытки увести своих подданных в южные равнинные районы Западной Сибири и на северные степные территории современного Казахстана, подальше от мест размещения российских военных отрядов. Однако тактика угона собственного населения и яростного вооруженного противостояния российским властям в Сибири вызывала активное недовольство и попытки деятельного вооруженного сопротивления, в том числе со стороны местного сибирского татарского населения и некоторых представителей его родоплеменной знати.

Вполне вероятно, что такая политика хана Кучума и его ближайшего окружения не способствовала поддержке его со стороны некоторых групп местного сибирского татарского населения и повлияла на их переход на сторону российской администрации. Даже некоторые представители сибирской татарской правящей элиты предпочли подчиниться добровольно и признать правление российских властей на территории бывшего Сибирского татарского ханства [2, с. 269], отказавшись от вооруженной борьбы за восстановление Сибирского татарского ханства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Краткая Сибирская летопись (Кунгурская)* // Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань: Александря, 2008. С. 399–612.
2. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. 2-е изд. М.: Вост. лит-ра, 1999. Т. I. 630 с.
3. *Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н.* Ремизовская летопись. История Сибирская. Летопись сибирская краткая Кунгурская. Исследование. Текст и перевод. Тобольск, 2006. 270 с.
4. *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.

5. *Соболев В.И.* История сибирских ханств (по археологическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 10. 356 с.

6. *Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: учеб. пособ. Новосибирск, Новосиб. гос. ун-т, 2010. 288 с.

7. *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2012. 260 с.

REFERENCES

1. Brief Siberian (Kungur) Chronicle. *Sibirskiye letopisi. Kratkaya Sibirskaya letopis' (Kungurskaya)*. Ryazan, Alexandria, 2008, pp. 399–612. (In Russ.)

2. *Miller G. F.* The history of Siberia, vol. 1, 2nd ed. Moscow, Orient Literature, 1999, 630 p. (In Russ.)

3. *Dergacheva-Skop E.I., Alexeev V.N.* Remizov Chronicle. Siberian History. The Brief Siberian Kungur Chronicle. Research. Text and translations. Tobolsk, 2006, 270 p. (In Russ.)

4. *Molodin V.I., Sobolev V.I., Solovyov A.I.* Baraba in the late Middle Ages. Novosibirsk, Nauka, 1990, 262 p. (In Russ.)

5. *Sobolev V.I.* The History of Siberian Khanates (on archaeological materials). *Etnografo-arkheologicheskiye komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma*. Novosibirsk, 2008, vol. 10, 356 p. (in Russ.)

6. *Bobrov L.A., Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S.* The Turkic and Mongolian peoples' interaction with the Russians in Siberia on military affairs in the late Middle Ages and Modern times. Novosibirsk, NSU, 2010, 288 p. (In Russ.)

7. *Matveev A.V., Tataurov S.F.* Khanate of Siberia: military and historical aspects of history. Kazan, Fen AS RT, 2012, 260 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.09.2021

Дата рецензирования 24.09.2021

Статья принята к публикации 05.10.2021